

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИРКОВ

АРХЕОГРАФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ УЧЕНЫХ конца XIX — начала XX века

«Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия, она много обработала; но я не возведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала»

«В сущности, всякое издание рукописного материала есть уже некоторая его переработка. Издание — среда, преломляющая по-своему непосредственное восприятие источника»

«Издание памятников дает о них условное понятие, но зато предоставляет их наблюдать и приобретать в этом виде всякому»

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ • А. А. ШАХМАТОВ •
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ •
С. Ф. ПЛАТОНОВ • А. Е. ПРЕСНЯКОВ

«Въ оубоу цркви. Тогда и оубоу
цркви разобраша. и планетый
лѣтѣписный иже поісолоу ео
здриндо и царя сагоже кнѣзѣ и
данилоу. Злато, сѣмѣ. и
ложиша по оубоу цркви и
планетый и планетый
и планетый»

Лицевой летописный свод. XVI век

Евангелие апракос. Новгород.
Середина XIV века

«Изучение документов минувших эпох вне прямого их использования в качестве источника исторических сведений (то есть изучение их как памятника прошлого, следа старой культуры) имеет археографическую ценность»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАК» МОСКВА 2005 ГОД

STUDIA HISTORICA

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИРКОВ

АРХЕОГРАФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКИХ УЧЕНЫХ
конца XIX — начала XX века

STUDIA HISTORICA

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИРКОВ

АРХЕОГРАФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКИХ УЧЕНЫХ
конца XIX — начала XX века

Ответственный редактор
С. О. Шмидт

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАК» МОСКВА 2005 ГОД

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 04-01-16042

Чирков С. В.

Ч 64 Археография в творчестве русских ученых конца XIX — начала XX века / Отв. ред. С. О. Шмидт. — М.: Знак, 2005. — 320 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0097-0

В монографии рассмотрены проблемы развития на рубеже XIX и XX вв. отечественной археографии, важнейшей задачей которой было включение в научный обиход древнерусского рукописного наследия. Изучается творчество крупнейших ученых этого времени — В. О. Ключевского, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, которые не только занимались собиранием, описанием и изданием рукописей, но и внесли существенный вклад в формирование археографии как одной из специальных историко-филологических дисциплин, исследующих исторические источники.

ББК 63.2

© С. В. Чирков, 2005

© Знак, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение	7
Глава I. В. О. Ключевский и русская археография	33
Глава II. Археографические труды А. А. Шахматова	86
Глава III. Вклад А. С. Лаппо-Данилевского в развитие археографической работы и ее методики	136
Глава IV. Издательская и научно-организационная археографическая деятельность С. Ф. Платонова	199
Глава V. Практика и теория археографии в трудах А. Е. Преснякова	251
Заключение	306
Список сокращений	309
Именной указатель	310

Введение

В исследовании письменных источников тесно переплетаются методы и подходы книговедения и специальных историко-филологических дисциплин — текстологии, археографии, палеографии, кодикологии и др. Особенно выделяется роль археографии, в ведение которой традиционно включали собирание, описание и издание памятников письменности, как документальных, так и рукописных книг. Впрочем, последнее разделение условно, ведь каждая книга является документом своей эпохи. Важнейшая функция археографии — превращение памятника в источник познания для истории общества и истории культуры. Изучать историю специальных историко-филологических дисциплин, в частности историю археографии, важно как для успешной разработки современных проблем этих дисциплин, так и для представления об историческом развитии научной мысли в тех отраслях историко-филологического знания, которые придают ему необходимую точность и определенность.

По нашему мнению, очень существенным временем в истории специальных дисциплин, и в особенности археографии, стал рубеж XIX и XX столетий.

Как известно, конец XIX — начало XX в. — весьма сложный период в развитии отечественной исторической науки. В обстановке острой политической борьбы, принимавшей форму революций, для историографии в значительной мере была характерна политическая ангажированность, приводившая к борьбе разных направлений и течений внутри науки¹. В то же время этот период характеризуется плюрализмом исторических концепций,

новыми, сравнительно с «позитивистской» второй половиной XIX в., философскими подходами к истории, постановкой и решением существенных исследовательских проблем. Достижения российских ученых в области теоретического и конкретного источниковедения имели мировое значение². Однако победившее в политической борьбе советских лет марксистское направление трактовало рассматриваемый период как время кризиса буржуазной историографии³. В наши дни, когда изменился и климат общественно-политической жизни, и представления о самом предмете историографии, когда ученые расстаются с насильственно навязанными политизированными революционно-идеологическими оценками, настала пора отказаться от представления о «кризисе исторической науки» как об упадке российской исторической науки в десятилетия, предшествовавшие революциям 1917 г.⁴ Уже в 1969 г. Б. Г. Литвак и С. О. Шмидт утверждали, что «на закате буржуазной историографии в России мы наблюдаем настоящий расцвет источниковедения». Недооценка этого явления, затушевывание «роли выдающихся отечественных источниковедов в развитии мирового и отечественного источниковедения» объяснялись вульгарно-социологическими искривлениями в работах 40—50-х гг. XX в.⁵ Проведенные с той поры историографические исследования, осуществленные публикации научного наследия ученых конца XIX — начала XX в. позволяют утверждать, что тот период в развитии отечественной науки, когда продолжалась жизнь и творчество ее корифеев — П. Г. Виноградова, В. О. Ключевского, В. И. Семеvского, когда развернулись творческие силы А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова, Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, когда началась плодотворная научная деятельность их учеников — А. И. Андреева, С. Н. Валка, С. Б. Веселовского, Б. Д. Грекова, Н. П. Павлова-Сильванского, А. Е. Преснякова, Е. В. Тарле и многих других, — сопоставим по значению с такими явлениями российской культуры, как Серебряный век в поэзии, нравственно-религиозные искания философов, новаторство в театре, музыке, живописи этих лет.

Одной из особенностей развития исторической и филологической науки в конце XIX — начале XX в. был ускорившийся

процесс формирования и оформления в научно-организационном плане так называемых вспомогательных дисциплин гуманитарного цикла. Подосновой этого процесса были попытки воплощения поставленной позитивизмом задачи познания «точных фактов» и применения в этих целях методов, опиравшихся на достижения более близких к эмпирии естественных наук. Палеография, хронология, метрология, дипломатика, археография, архивоведение, историческая география становятся предметами преподавания в Петербургском и Московском археологических институтах, причем для некоторых дисциплин были учреждены специальные кафедры⁶. Хотя специализированных печатных органов и не создается, проблемы этих дисциплин активно обсуждаются на страницах журналов указанных институтов и археологических обществ, на всероссийских археологических съездах. Петербургский археологический институт, включавший своих выпускников в число членов института, стал прообразом научной ассоциации по проблемам этих дисциплин⁷. Некоторые предметные области, ведавшие изучением письменных источников, сложились значительно раньше (например, палеография, археография, хронология). Но и в них в рассматриваемый период происходят столь существенные изменения, что появляется повод говорить о их оформлении в качестве отдельных дисциплин.

Археография в этом ряду переживает сходные процессы. По заключению С. Н. Валка, в начале XX в. термин «археография» стал обозначать «работу и по изданию, и по описанию документов»⁸. Такое определение родилось в связи с практическими задачами, стоявшими перед учеными Археографической комиссии, и отразилось в утвержденном в 1904 г. «Положении об императорской Археографической комиссии», определившем цели этого учреждения как «научное описание и издание источников отечественной истории»⁹. Сходное определение археографии давалось «Новым энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона, а «Русская энциклопедия» (т. 2, 1911 г.), исторический отдел которой редактировал А. Е. Пресняков, определяла задачи этой научной дисциплины несколько шире, как «собираение, описание и издание письменных исторических источников».

Можно добавить, что «Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат» (т. 3, 1910 г.) формулировал назначение Археографической комиссии почти сходным образом: собирание, хранение и печатание актов и литературных памятников исторического характера, — почему-то включив сюда и хранение памятников, о котором подробно говорится в статье «Археология» в другом томе словаря, где хранение отнесено к задачам архивоведения.

Как известно, энциклопедии отбирают для своего словника наиболее устоявшиеся дефиниции. Однако обращение к конкретным случаям употребления понятия «археография» в научных текстах и документах, связанных с преподаванием специальных исторических дисциплин, не позволяет признать приведенные определения безраздельно господствовавшими или даже утвердившимися в начале XX в.

Обратившись к истории «археографии» во второй половине XIX в., можно заметить нерасчлененность источниковедческого знания и соответствующую ему неопределенность терминологии. Если П. М. Строев не усматривал разницы между археографией и археологией¹⁰, то Н. В. Калачов при основании в 1877 г. Петербургского археологического института считал главной его задачей подготовку «специалистов по русской старине для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных», т. е. архивистов¹¹. Употребление термина «археология» было неопределенным; письменные памятники изучались деятелями археологических обществ, а доклады об исследовании рукописей и о положении архивного дела читались на археологических съездах.

Только к концу XIX в. в этой области наметился перелом. Так, в 1898 г. в составе Московского археологического общества выделилась археографическая комиссия, занимавшаяся вопросами археографии и архивного дела (видимо, без разделения)¹². Начиная с VIII Археологического съезда (1890 г.) доклады о письменных памятниках и архивных проблемах на съездах рассматривало особое отделение «Памятники археографические»¹³. Примерно в это же время практика работы Петербургского ар-

хеологического института привела к разделению преподаваемых в нем предметов на два цикла: археологический и археографический¹⁴. Позднее это разделение закрепились образованием соответствующих факультетов и присвоением выпускникам квалификации «ученый археолог» и «ученый археограф». Таким образом, археография выделялась из общей совокупности знания о древностях, обозначавшихся зачастую как «археология». Смысл «археографии» в это время выявился достаточно ясно: в отличие от археологии, изучающей вещественные памятники, археография исследует памятники письменные. Такое широкое и общее определение археографии имело свои достоинства: отдельный объект изучения, известный этимологический резон. Не будучи нигде провозглашено, оно вошло в оборот и стало «обычным» представлением. Так, чуткий к терминам и нередко изобретавший свои собственные Н. Н. Ардашев обозначает в виде общего места археографию как археологию письменных памятников¹⁵. Отголосок представления об археографии — «науке о рукописях» — дошел до наших дней¹⁶.

Скрупулезное изучение источников, рост внимания к вспомогательным историческим дисциплинам в науке начала XX в. способствовали дальнейшей дифференциации этих дисциплин. Выделение учебных дисциплин в развивавшемся специальном образовании по необходимости сопровождалось установлением их задач и компетенции. Не случайно поэтому сведения об эволюции терминологии вспомогательных дисциплин в сторону все большей определенности находим в материалах археологических институтов. В состав археографического цикла Петербургского института входили архивоведение, археография, дипломатика и древности права¹⁷. Таким образом, уже с первых лет XX в. археография выступала здесь как самостоятельная учебная дисциплина. Преподававший археографию П. Н. Шеффер позднее определял ее задачи как изучение методов описания и издания письменных памятников; можно полагать, что определение это восходит к дореволюционному времени¹⁸. В Московском институте археографическая проблематика до поры находилась внутри «дипломатики» (так Н. Н. Ардашев именовал «науку о

письменности»¹⁹). Однако со временем И. Ф. Колесников выдвинул и развил представление о предмете археографии как самостоятельной дисциплины²⁰.

В 1913 г. в актовом речи на заседании Московского археологического института Колесников сформулировал положение о неоднозначности понятий «памятник старины» и «исторический источник», а также раскрыл необходимость длинного пути предварительной научной обработки для превращения памятника в источник. «Путь от памятника, — говорил Колесников, — хотя бы и письменного, до критически проверенного исторического источника долог, запутан и тернист. Это путь необходимых подготовительных работ над письменными памятниками старины, работ археографических — процесс претворения памятника в исторический источник...»²¹. Оратор резко противопоставлял процесс подготовительной обработки материала процессу извлечения информации источника для нужд исторического построения. Для историка письменный памятник — «источник определенного исторического изыскания», его задачи также сложны: критика событий, подбор и оценка фактов. «Для археографа письменный памятник есть вообще исторический источник, а не источник определенного исторического изыскания... Задача археографа — заложить прочный и надежный фундамент для всевозможных исторических построений»²². Таким образом, задачу археографии Колесников видел в изучении памятника «самого по себе», вне связи его с ролью источника исторических сведений (хотя и в целях превращения его в такой источник) и предусматривал существование определенного комплекса археографических работ.

Было ли такое представление о задачах археографии уникальным для науки начала XX в.? Л. Н. Пушкарев считает, что «интересная мысль И. Ф. Колесникова об отличии “памятника” от “источника” не была... в полной мере оценена в то время и осталась неразвитой»²³.

Самая идея о несовпадении памятника и источника прослеживается и у других ученых того времени. Л. С. Клейн сблизил выдвинутое И. Ф. Колесниковым положение с идеями А. С. Лап-

по-Данилевского²⁴. Действительно, Лаппо-Данилевский писал, что «пока историк не подверг данный исторический материал предварительному исследованию, он не может признать его историческим источником»²⁵. По мнению Л. Н. Хмылева, «Лаппо-Данилевский понимал двойственную природу исторического источника, заключающуюся в том, что он, с одной стороны, является продуктом человеческой *предметной* деятельности, а с другой — результатом *познавательной* деятельности историка»²⁶. Но Лаппо-Данилевский не выделял задачи превращения памятника в источник — в область самостоятельной научной дисциплины, включая эту задачу в сферу ведения «специальной методологии истории». Решается она внешней критикой — «критикой, устанавливающей научно-историческую ценность источника как факта»²⁷.

Разграничение «материала» и «источника» проводил и А. Е. Пресняков, когда говорил, что «документы и все рукописное наследие прошлого всегда были и будут важнейшим источником исторической науки», хотя «понятие об историческом источнике гораздо шире и сложнее, чем представление о рукописном материале...»²⁸. По мнению Преснякова, изучение подлинного документа как памятника прошлого, как бытовой вещи, как всякого предмета старого обихода, вне прямого использования его в качестве источника исторических сведений, имеет «археографическую ценность»²⁹. В ходе такого изучения, имеющего самостоятельное значение для познания истории культуры, достигается задача преобразования материала в источник. Пресняков не проводил резкого разграничения между работой археографа и историка, однако понимание стадийности изучения памятника-источника у него присутствует. Не случайно позднее в программе лекционного курса истории русской археографии, составленной для Петроградского археологического института, Пресняков поставил рядом «критику археографическую и историческую»³⁰.

Итак, вопрос о специфическом предмете ведения археографии решался некоторыми учеными в начале XX в. путем осознания функциональной природы исторического источника и обо-

собления в связи с этим стадий исторического исследования. Первоначальная стадия изучения, стадия приведения письменного памятника в известность и конституализации его в качестве источника исторических сведений, рассматривалась как область «археографической критики». Исследование в этих целях объективных свойств памятника составляло предмет археографии. Похожие процессы происходили и в развитии других так называемых вспомогательных дисциплин. А. Е. Пресняков писал по поводу выхода в свет «Очерка русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского: «Для дипломатики (в том виде, как она создана Лаппо-Данилевским) изучение письменных документов данной эпохи как определенных форм, в каких закреплялись проявления ее государственных, гражданских и частных отношений, выходит за пределы вспомогательных задач исторической критики и источниковедения и вырастает до самостоятельного интереса к проявлению культурно-исторического творчества в эволюции форм этих документов, их типичных особенностей в связи с той ролью, какую они играли в житейских отношениях своего времени»³¹. По мнению Преснякова, далеко перерастает задачи источниковедения и сложная картина непрерывного развития русского летописания, реконструированная в трудах А. А. Шахматова. Достигнутые Шахматовым «определение времени, когда возник тот или иной свод, и среды, его создавшей, выяснение его типа, состава и руководившего работой замысла — раскрывают существенные моменты в развитии русской общественной мысли, как отражения в сознании современников крупных явлений русской исторической жизни с их особым пониманием и того, что было для них настоящим, и пережитого в их время родного прошлого»³². Пресняков писал и о понимании палеографии как науки, для которой «рукопись есть предмет археологической ценности, вещественный остаток старины, отложившей свои черты не только в содержании текста, но и в характере писчего материала, в стиле почерка, в украшении рукописей... даже в самом расположении строк, заполняющих страницу»³³. Уместно напомнить, что успешному применению данных филологии к датировке рукописей Н. П. Ли-

хачев предположил изучение истории бумажного производства — бумаги и бумажных мельниц Московской Руси³⁴. А вот что пишет В. Л. Янин об истории отечественной сфрагистики: «С конца XIX в. ...начался новый период в развитии сфрагистики как дисциплины, изучающей историю формирования и развития древних государственных институтов на основе хронологической классификации совокупности печатей, четко реагирующих на любые реформы государственного аппарата»³⁵. А. И. Аксенов, изучавший историю генеалогии в России, показал, что на рубеже веков «генеалогические сюжеты получили историческое освещение и нашли исторический выход», так как «семейные связи сами становятся предметом исследования, наполняясь историческим содержанием, а «родословные росписи превращаются в фамильную историю, выясняющую роль, место и значение рода в истории»³⁶. Число примеров можно было бы умножить, но суть дела ясна: в начале XX в. «вспомогательные» дисциплины начинают терять свой вспомогательный по отношению к историко-филологической науке характер, приобретают самостоятельное значение разделов истории, в первую очередь истории культуры. На этапе чисто инструментального использования их сведений в историческом исследовании эти дисциплины можно было трактовать как «технику исследования» — так и квалифицирует их А. С. Лаппо-Данилевский в «Методологии истории». Однако последовательно проведенная разработка проблем какой-либо «вспомогательной исторической дисциплины» вела к превращению ее в специальную область истории. А значит, привлекающая простотой «техника» оказывается зависимой от методологии, от теоретических взглядов исследователя. Разумеется, былработан такой баланс техники и методологии, который позволил специальным дисциплинам сохранить свою роль «твердой скорлупы» гуманитарного знания. Однако в рассматриваемый период мы видим всю эту систему только в стадии становления. Было бы неверно сводить весь путь развития источниковедения в начале XX в. к победоносному шествию концепции А. С. Лаппо-Данилевского. В действительности разброс мнений, спектр выдвинутых теорий был весьма широким.

Особенно сложно обстояло дело с археографией, понимание задач которой формировалось в подспудной борьбе мнений. И. Ф. Колесников представлял задачи археографии следующим образом: «Сохранить памятники от разрушения и порчи, дать хорошее описание их, определить подлинность и современность рукописи и дать критически проверенный текст ее...»³⁷. А. Е. Пресняков включал в число задач археографического изучения датировку, определение «среды, области или даже учреждения, из которого вышел памятник»³⁸. Формулировка задач археографии в «Русской энциклопедии» осторожнее, она не включает тех операций с памятником, которые А. С. Лаппо-Данилевским отнесены к сфере внешней критики источника. По мнению Лаппо-Данилевского, изучать свойства памятника должна специальная методология истории, а правила собирания, хранения и воспроизведения исторического материала — вопросы техники исследования³⁹. С таким представлением «Русская энциклопедия» солидарна: в статье о дипломатике говорится, что это «наука о форме документов, актология», поэтому она «является основой научной археографии актового материала»⁴⁰. Таким образом, вопросы об определении археографии, о круге ее ведения, о выделении ее специфической предметной области, о соотношении ее с другими дисциплинами в начале XX в. не были решены. Преобладало представление об археографии как «рукописной археологии», а практическая археографическая деятельность включала собирание, описание и издание памятников письменности. В условиях признаваемого большинством специалистов недостаточного уровня введения в научный оборот источников отечественной истории археографическая работа рассматривалась как необходимое и важнейшее направление исследований.

В организации археографической деятельности в России на рубеже XIX и XX вв. определяющую роль играли такие научные учреждения, как Петербургская Академия наук, Археографическая комиссия, Русское историческое общество, Общество любителей древней письменности, Общество истории и древностей российских при Московском университете. В этих учреждениях

работали выдающиеся специалисты в своей области, историки, филологи, архивисты, усилиями которых источниковая основа русской исторической науки была поднята на новый уровень. Крайне любопытным и важным представляется, однако, то обстоятельство, что в деле введения источников в научный оборот принимали участие крупнейшие отечественные ученые-гуманитарии, чьи труды мы по праву рассматриваем как гордость нашей науки. Их деятельность вела и к развитию археографической мысли, к созреванию археографии как науки. В большем или меньшем внимании к археографической деятельности проявлялись разные исследовательские установки различных научных школ.

В настоящей работе предпринята попытка исследовать тот вклад, который внесли в отечественную археографию крупнейшие русские ученые рубежа XIX—XX веков. Открывается работа очерком о месте археографии в творчестве признанного к началу XX в. патриарха отечественной исторической науки В. О. Ключевского, главы московской школы русских историков. Не только его историческая концепция, но и подходы к изучению материала источников в известной мере подводили итоги развития науки в XIX в. В творческой деятельности крупнейшего историка и филолога А. А. Шахматова археография неотделима от изучения памятников древнерусской литературы, которое составило эпоху в развитии науки. А. С. Лаппо-Данилевский знаменит не только разработкой теоретических проблем источниковедения и исторического познания в целом, но и крупнейшим вкладом в археографию актового и законодательного материала. Глава петербургских историков С. Ф. Платонов внес вклад в археографию тех источников, на которых строил свои научные исследования, много лет посвятил публикации памятников русского летописания. А. Е. Пресняков, прославившийся новым подходом ко многим проблемам русской истории, на протяжении всей жизни вел археографическую работу, формулировал новые плодотворные идеи в области археографии и источниковедения. Разумеется, предлагаемые очерки не исчерпывают большую тему археографической деятельности отечественных ученых дан-

ного периода и развития ими археографической мысли. Необходимо изучить вклад в археографию московских ученых — учеников В. О. Ключевского (относя к их числу и специалистов-архивистов, работавших в Москве). Ждет еще подробного изучения развитие археографии в других университетских центрах России, только начинается изучение «провинциальной» археографии в целом. Одной из задач настоящей работы было выявить возможности персоналогического подхода к изучению истории археографии.

Изучение многих аспектов истории российской археографии конца XIX — начала XX в. начали уже современники и деятели этой истории. Автор многих историографических работ, написавший ряд замечательных «историографических портретов» русских ученых, А. Е. Пресняков в начале 1920-х гг. в произведениях, посвященных памяти А. С. Лаппо-Данилевского и А. А. Шахматова, писал об археографических трудах этих своих учителей в связи с разработанными ими новыми источниковедческими подходами к материалам русской истории. Им было обосновано представление об особенностях петербургской исторической научной школы, как важнейшая ее особенность понималось непосредственное, без оглядок на историографическую традицию, отношение к источнику и факту⁴¹. В статьях о «Сборнике грамот Коллегии экономии», в рецензиях на труды А. С. Лаппо-Данилевского С. Н. Валк дал ценную историографическую и археографическую характеристику того направления в издании и изучении актового материала, которое разработал знаменитый ученый, а также выяснил взаимосвязи археографии и дипломатики. С. Н. Валк связал с этим направлением возникновение научного этапа актовой археографии и ввел для предшествующей эпохи ее развития понятие «кустарная археография»⁴². В статье о правилах издания источников А. И. Андреев рассмотрел их эволюцию, в том числе и в начале XX в., выделив роль в их разработке академических научных учреждений⁴³.

Разгром российской гуманитарной науки в начале 1930-х гг., крайняя политизация исторического знания привели, по существу, к отказу от попыток научного осмысления предшествую-

щей историографии. В трудах М. Н. Покровского и его последователей историография выступала исключительно в качестве идеологического оружия для борьбы с противниками марксистской концепции истории. Редко появлялись исследования прикладного плана, где рассматривались исследовательские аспекты историографии. Так, в связи с изданием Русской Правды В. П. Любимов проанализировал предшествующие издания памятника, раскрывая их археографические особенности⁴⁴. Научная традиция сохранялась, однако, в вузовском образовании, особенно в Историко-архивном институте, где А. А. Сергеев и А. А. Шилов в курсе «Методики и техники публикации документов», М. Н. Тихомиров в курсе источниковедения истории СССР продолжали освещать многие темы истории археографии⁴⁵. В конце десятилетия появились работы А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова, вновь обратившие внимание на достижения отечественного источниковедения и археографии в дореволюционные годы⁴⁶. Данная тематика рассматривалась и в «Русской историографии» Н. А. Рубинштейна⁴⁷.

В послевоенный период вышли важнейшие работы С. Н. Валка в данной области. В книге «Советская археография» ученый привлек данные об опыте дореволюционной науки в издании всех важнейших разновидностей письменных источников, а также при характеристике отдельных этапов публикаторской работы⁴⁸. В юбилейной статье о развитии исторической науки в Петербургском — Ленинградском университете немалое внимание уделяется развитию источниковедения, деятельности крупнейших ученых-археографов, детально охарактеризовано такое сложное историографическое явление, как петербургская школа в исторической науке⁴⁹. В те же годы появились работы Д. С. Лихачева о русском летописании и роли А. А. Шахматова в его изучении, где затрагивалась и история введения летописей в научный оборот⁵⁰.

Работы С. Н. Валка и Д. С. Лихачева наметили те пути, по которым пошла, хотя и не всегда последовательно, разработка истории отечественной археографии.

1950—1960-е годы характеризовались преобладанием фактологических изучений истории археографии, главным образом эди-

ционной. В работах П. Г. Софинова, И. И. Корневой, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн и др. излагалась история издательской деятельности научных учреждений и обществ, характеризовался состав и содержание крупных документальных публикаций, определенное внимание уделялось развитию археографической теории и методики⁵¹. Параллельно изучались отдельные виды археографической издательской работы в историческом аспекте⁵². Эти труды заложили прочный фундамент изучения истории эдиционной археографии и дают возможность не повторять анализ конкретных публикаций, подготовленных в конце XIX — начале XX в. Началось и обсуждение теоретических вопросов истории археографии. М. С. Селезнев считал задачами исторического раздела археографии «рассмотрение и обобщение данных истории, практики и теории публикации источников, подведение итогов борьбы взглядов и мнений по вопросам издания письменных источников»⁵³.

Гораздо более широким подходом отличались труды по историографии. С. О. Шмидт предложил включить в сферу изучения истории исторической науки источниковую базу исследований, «показать, что введение в научный оборот нового материала источников требовало и новой методики изучения», связывая проблематику истории источниковедения и археографии⁵⁴. В опубликованной в 1968 г. статье «Советские историки и архивы» он наметил многие направления изучения научных взаимосвязей археографии. Говорилось, в частности, о необходимости задуматься над созданием достаточно подробной академической истории архивного дела и археографии⁵⁵. Главы о развитии археографии и архивного дела, так же как и о развитии источниковедения и археологии, были включены в «Очерки истории исторической науки в СССР».

В 1970-х гг. разработка теоретических проблем археографии значительно активизировалась, усилилось внимание и к ее истории. Уже в 1970 г. состоялась научная конференция, закрепившая давно бытовавший в среде специалистов термин «полевая археография», обозначающий поиск и изучение документальных памятников в среде их бытования⁵⁶. В ходе организованной в 1975—1979 гг. журналом «Советские архивы» дискуссии по тео-

ретическим вопросам археографии широкий подход к определению предмета этой дисциплины обосновал В. А. Черных. По его мнению, под археографией настало время понимать специальную научную дисциплину (и отрасль научной деятельности), связанную не только с публикацией письменных памятников, но также и с их разысканием, собиранием, описанием, то есть со всем циклом специфических работ над памятником, от его обнаружения до введения в научный оборот. Для археографии характерен подход к данной рукописи, книге, документу как к единственному в своем роде памятнику истории и культуры, который представляет самостоятельную ценность и который необходимо поэтому разыскать, учесть, сохранить, описать, издать. По объекту изучения археография разграничивается с архивоведением, имеющим дело с документальными комплексами, работа с которыми обладает собственной спецификой⁵⁷. Вскоре были выделены и проблемы описательной (камеральной) археографии⁵⁸. В ряде статей, опубликованных в 1979 г., С. О. Шмидт всесторонне обосновал широкое определение археографии. Задачей теории и истории археографии он считал «установление междисциплинарных связей археографии и других наук (или научных дисциплин), прежде всего текстологии и источниковедения, изучение изменений во времени таких связей, характера и степени взаимопроникновения методик археографии и этих научных дисциплин, обогащения собственно археографической мысли»⁵⁹. По мнению С. О. Шмидта, «историк археографии обязан ответить не только на вопросы, что, когда, кем собрано, описано, издано, но и каким методом собрано, как описано, каким образом издано?»⁶⁰. С. О. Шмидтом многое сделано для изучения различных аспектов истории археографии начала XX в. и первых лет советского периода, а также научной деятельности крупнейших российских археографов⁶¹. По его инициативе, а часто и под его научным руководством в 1970—1990-х гг. появился ряд работ такой тематики, подготовленных А. А. Александровым, В. Ю. Афиани, В. Г. Бухертом, А. Д. Зайцевым, В. В. Ишутиным, Д. В. Каревым, А. Н. Мельником, Л. И. Писарьковой, В. О. Седельниковым, Е. Ю. Филькиной, С. В. Чирковым, Л. И. Шохиним, М. Ф. Шумей-

ко и др. В те же годы выходили посвященные проблемам истории археографии работы петербургских ученых Д. Н. Альшица, Т. В. Андреевой, В. С. Брачева, Н. Ю. Бубнова, А. И. Копанева, И. З. Либерзон, Н. Е. Носова, В. М. Панеяха, А. Н. Цамутали, И. С. Шарковой и др. Обогащают ценными методическими подходами исследования других периодов истории археографии, например, работы В. П. Козлова по XVIII — началу XIX в.⁶² Наметились новые подходы к исследованию истории археографии в русской провинции (работы В. А. Бердинских, В. П. Макарихина, А. Д. Степанского и др.⁶³).

В последние годы внимание к теории археографии вновь оживилось. После появления работы В. П. Козлова «Теоретические основы археографии с позиций современности»⁶⁴ в журнале «Отечественная история» и на научной конференции «Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе» (апрель 2002 г.) началась дискуссия по многим вопросам статуса археографии как дисциплины, ее места в системе наук, роли в обществе, состоянии терминологии⁶⁵.

Дальнейшее изучение теоретических проблем археографии в 1980—2000-х гг. привело к некоторым последствиям и для исторического ее изучения. В исследовании о понятиях и терминах источниковедения В. В. Фарсоби́н фактически упразднил археографию, разделив ее функции между источниковедческой эвристикой, архивоведением и «научно-публикаторской отраслью». История же археографии отождествляется им с историей разработки способов публикации документов и включается в сферу историографии⁶⁶. Напротив, Б. Г. Литвак и О. Ф. Козлов настаивают на том, что и история публикаторской деятельности, и история археографии как отрасли знания весьма актуальны прежде всего для ее теории, так как «история археографии и ее теория — два взаимосвязанных элемента»⁶⁷. Проблемы и задачи изучения истории отечественной археографии (понимаемой как публикация исторических источников) обобщил в специальной работе Е. М. Добрушкин. Он приходит к выводу, что важнейшим направлением исторического раздела археографии должно

явиться «изучение процесса зарождения, становления и развития археографических идей, их влияния на непосредственную работу по изданию исторических источников, а также связи с исторической наукой в целом»⁶⁸.

Долго служивший предметом полемики вопрос, должна ли археография сама изучать свою историю или это дело историографии, можно считать благодаря указанию С. О. Шмидта на то известное в науковедении обстоятельство, что новые исследования идут успешнее, а новые открытия делаются чаще на стыках научных дисциплин. Для истории отечественной археографии конца XIX — начала XX в. принесли много пользы, обогащая ее новыми идеями и ценными методическими подходами, как труды по истории исторической науки, так и работы, в которых исследуется развитие специальных историко-филологических дисциплин. В последние десятилетия появились книги по истории исторической науки в России А. Л. Шапиро и А. Н. Цамутали⁶⁹; монографии по проблемам киевской и петербургской историографических школ С. И. Михальченко и Б. С. Кагановича⁷⁰. При обращении к творчеству отдельных историков нередко изучается их отношение к источникам, деятельность по введению в научный оборот нового материала. Это видим в книгах М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском, Р. А. Киреевой — о К. Н. Бестужеве-Рюмине, М. Г. Вандалковской — о П. Н. Милюкове и А. А. Кизеветтере⁷¹. Интересную и малоизученную сферу истории изучения отечественной историографии в дореволюционной России разработала в своей монографии Р. А. Киреева, обильно используя неизданные архивные источники историографии⁷².

Близко отстоит от этого круга работ проблематика общей истории науки и науковедения, здесь выделяются работы С. Р. Микulinского, Э. М. Мирского, Б. А. Старостина, С. Д. Хайтуна, М. Г. Ярошевского⁷³.

Плодотворно разрабатывается история отечественного источниковедения. В трудах О. М. Медушевской исследуются глубокие гносеологические закономерности, лежащие в основе ее развития⁷⁴. А. П. Пронштейн дал систематический очерк истории источниковедения в XIX — начале XX в.⁷⁵ Изучаются ис-

точниковедческие труды отдельных ученых — В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. П. Лихачева⁷⁶.

В исследованиях по текстологии затрагиваются вопросы истории введения в научный оборот памятников древнерусской литературы, прежде всего летописей. Здесь выделяются капитальная «Текстология» Д. С. Лихачева⁷⁷, монография А. А. Амосова о Лицевом летописном своде⁷⁸, статьи Я. С. Лурье и В. В. Морозова⁷⁹.

В работах С. М. Каштанова, А. И. Копанева по дипломатике рассматриваются взаимоотношения этой дисциплины с археографией, даются сведения об истории издания актового материала⁸⁰.

Историки архивного дела изучают археографическую деятельность архивных учреждений. Здесь выделяются монографии В. Н. Самошенко, Л. И. Шохина. Т. И. Хорхординой с привлечением нового материала и с новых позиций рассмотрено развитие архивного дела в советские годы⁸¹.

Как видим, эволюция исследований, связанных с историей археографии, выводит на первый план изучение не только публикаторской или собирательской деятельности, но и археографической мысли, археографической теории в ее историческом развитии. История археографии выступает в тесной взаимосвязи с историей источниковедения и исторической науки, соприкасается и с историей литературоведения и филологической науки в целом. История археографии должна быть рассмотрена как история самостоятельной научной дисциплины, входящей в систему специальных историко-филологических дисциплин, назначение которых — сформировать надежную источниковую базу гуманитарного знания.

Задачи настоящей работы поэтому включали исследование археографии как самостоятельной историко-филологической дисциплины в конце XIX — начале XX в. Для этого необходимо было иметь в виду различные направления археографической деятельности, новые черты эволюционирующей научной культуры археографии, особенности подхода к археографическим проблемам крупнейших научных исторических школ, проявля-

ния развивающейся археографической мысли как в практической работе крупнейших отечественных ученых по собиранию, описанию и изданию письменных памятников, так и в высказанных ими теоретических соображениях и изучениях истории археографии.

Такие задачи определили круг привлеченных к исследованию источников. Как известно, «с углублением специальных историографических исследований, с расширением проблематики историографических изысканий привлекается все более широкий комплекс историографических фактов. Наблюдается расширение источниковой базы историографических исследований: историки исторической науки обращаются к многообразным неопубликованным (архивным) материалам традиционного типа и к таким разновидностям источников, которые ранее оказывались вне поля зрения историографа»⁸². С этих позиций источники истории археографии оказываются достаточно многообразными.

В первую очередь, к числу их относятся результаты археографической работы данного периода: осуществленные издания исторических источников, описания рукописных собраний, учетные документы хранилищ, отразившие результаты собирательской деятельности археографов. Для выявления тенденций развития археографической методики важно привлечение изданий и описаний, не относящихся к изучаемому периоду непосредственно. Некоторые серийные издания, например, Полное собрание русских летописей, «Русская историческая библиотека», представляющие особый интерес для изучения эдиционных методов, начали выходить задолго до конца XIX в. В ряде случаев приходится использовать и новейшие описания рукописных собраний, чтобы установить, с какими материалами работали в этих собраниях археографы прошлого.

Для изучения истории археографической мысли и культуры представляют ценность не только осуществленные начинания, но и выработанные археографами издательские, описательные проекты, нередко сохранившиеся только в архивах. Часть таких проектов удалось в ходе исследования ввести в научный оборот.

Отдельную группу источников составляют различного рода нормативно-археографические документы: правила издания, инструкции по описанию рукописей и т. п. Многие из них, не получившие официального утверждения и статуса, представляют собою проекты с многочисленными вариантами, по большей части также сохранившиеся в архивах.

Важнейшая группа источников — произведения археографов. Сюда входят не только сочинения и подготовительные материалы к ним, непосредственно обсуждающие проблемы археографии, но и широкий круг источниковедческих трудов, работ по истории литературы и письменности. Ясно, например, что труды А. А. Шахматова по истории летописания во многом предопределили не только состав, но и методику изданий летописного материала, осуществленных самим ученым и его последователями. Помимо монографий и статей представляют значительный интерес сохранившиеся и только частично опубликованные записи и конспекты лекционных курсов В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, П. Н. Шеффера, посвященные различным аспектам археографической работы и истории археографии в России.

К данной группе источников примыкают материалы других разновидностей, также вышедшие из-под пера археографов. Это и отчеты о результатах поисков рукописей в ходе археографических экспедиций, об архивных разысканиях, и тесно связанные с этими отчетами эпистолярные материалы. В сохранившихся письмах ученых, как правило неизданных, часто обсуждаются научно-организационные аспекты археографии, а иногда и методические вопросы. Нашли отражение эти темы в некоторых произведениях мемуарного характера.

Сведения о разработке принципов археографической деятельности, о конкретном ходе работ по собиранию, описанию и изданию письменных памятников содержатся в протоколах заседаний научных учреждений и обществ, занимавшихся такой деятельностью, в других их делопроизводственных материалах. Протоколы по большей части опубликованы, но иногда обращение к архивам учреждений позволяет пополнить содержащиеся

там данные. Делопроизводственные документы сохранились и в личных фондах ученых, богат ими, например, архивный фонд С. Ф. Платонова.

Кратко охарактеризованные здесь источники, длительная историографическая традиция создают предпосылки изучения истории археографии в конце XIX — начале XX в. Такое изучение поможет вписать еще одну страницу в историю отечественной науки.

Примечания

- ¹ *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1985.
- ² *Медушевская О. М.* История источниковедения в XIX—XX вв.: Учеб. пособие. М., 1988. С. 25—28.
- ³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3 М., 1963; *Ковальченко И. Д., Шккло А. Е.* Кризис русской буржуазной науки в конце XIX — начале XX в. // *Вопр. истории.* 1982. № 1; *Рамазанов С. П.* Кризис российской историографии начала XX в. Ч. 1—2. Волгоград, 1999.
- ⁴ *Шмидт С. О. А. С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох* // *Археографический ежегодник за 1994 год.* М., 1996; переиздано в кн.: *Шмидт С. О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
- ⁵ *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы.* М., 1969. С. 54—55; *Литвак Б. Г.* О путях развития источниковедения массовых источников // Там же. С. 103—105.
- ⁶ См.: *Пашков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX — начале XX в. // *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории.* Днепропетровск, 1985.
- ⁷ См.: *Иванов А. Е.* Московский археологический институт — центр русского исторического культуроведения // *АЕ за 1994 год.* М., 1996.
- ⁸ *Валк С. Н.* Судьбы «археографии» // *АЕ за 1961 год.* М., 1962. С. 457. (Перепечатано в кн.: *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии: Науч. наследие. СПб., 1991.)
- ⁹ Положение об Археологическом институте. СПб., 1878.
- ¹⁰ *Формозов А. А.* История термина «археология» // *Вопр. истории.* 1975. № 8.